

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные
и знакомые.

(Семейная хроника)¹⁾.

(Окончаніе).

Г л а в а XII.

Новые знакомые.

Въ 1858 г. Л. Ал. познакомился съ цѣлымъ обществомъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ литературѣ. Это были два брата Рехневскіе, изъ которыхъ старшій, Станиславъ Симоновичъ, хотя еще слушалъ лекціи въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, но въ то же время и самъ уже читалъ ихъ въ качествѣ адъюнкта профессора геодезіи. Въ то время онъ жилъ на Пулковской обсерваторіи. Младшій братъ его Алекс. Сим. былъ офицеръ Путей Сообщенія; М. Ю. Арнольдъ; В. П. Курофдовъ и М. А. Загуляевъ. Молодые люди наперерывъ старались доставлять удовольствія своимъ новымъ знакомымъ. Загуляевъ познакомилъ свое семейство съ семьей Л. Ал. Мея. У Загуляева была взрослая сестра, для которой дѣлались вечера, на которыхъ для танцующихъ бывало очень весело. Впослѣдствіи Н. Ан. Загуляева²⁾ вышла замужъ за М. Ю. Арнольда.

Съ наступленіемъ весны и хорошей погоды Ст. Сим. Рехневскій сдѣлалъ праздникъ у себя на обсерваторіи и пригласилъ все общество. Тамъ извѣстный профессоръ астрономіи и директоръ Пулковской обсерваторіи Струве показалъ гостямъ обсерваторію, луну и звѣздное небо, прочелъ имъ цѣлую лекцію.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1911г.

²⁾ Стихотвореніе „Оборотень“ написано въ это время и посвящено Надеждѣ Андреевнѣ Загуляевой.

Въ этотъ годъ поправляли шпигъ на Петро-Павловскомъ соборѣ—въ крѣпости. В. П. Куроѣдовъ, Арнольдъ и младшій Рехневскій, подъ начальствомъ, тогда еще полковника, Д. И. Журавскаго, прикомандированы были къ крѣпостнымъ постройкамъ. Ихъ помѣстили въ свободные казематы. Перваго августа молодые люди устроили тамъ праздникъ для того же кружка. Гостямъ показали крѣпость; поднимались на подмости смотрѣть видъ на Петербургъ и окрестности. Л. Ал. поднялся на подъемной машинѣ почти до самаго шпига. Приготовленными для него золочеными листами обтянули всѣ стѣны мрачнаго каземата, какъ сплошными зеркалами. Въ широкихъ амбразурахъ оконъ помѣстилось по четыре стула. Приѣхали музыканты и казематъ превратился въ бальную залу, гдѣ подавалось мороженое, фрукты, конфекты, прохладительные напитки. Веселый говоръ, смѣхъ и танцы продолжались до самой зари. Праздникъ окончился хорошимъ ужиномъ. На Невѣ гостей ожидала шлюпка коменданта, въ которой двѣнадцать гребцовъ, съ пѣснями, перевезли ихъ на другую сторону рѣки, къ Лѣтнему саду. На небѣ загоралась заря, на Невѣ уже дымились пароходы.

Г л а в а XIII.

Новое время и новые мыслители.

Но настало грустное время, когда все великое и прекрасное осмѣивалось. Поэзія какъ искусство изгонялась изъ литературы и допускалась только какъ проводникъ новыхъ мыслителей. Они волновали общество и пользуясь обстоятельствами старались выдвинуть напередъ свои личности и сдѣлаться пророками толпы.

Менѣе талантливые поддерживали ихъ: угождая вкусу публики, пѣли на тотъ же ладъ, а потому считали себя тоже передовыми людьми. Поэзія, какъ старая мода, казалась уже смѣшной и не нужною роскошью. Редакторы газетъ и журналовъ печатали только современное; каждая бездарность, проводившая извѣстныя мысли, возводилась въ первоклассные таланты, требовалась злоба дня и вздохи о младшихъ братьяхъ. Большой надо было имѣть стоицизмъ, чтобы сохранить свою самобытность и идти наперекоръ толпы. Но жить литературой, не подчиняясь новымъ требованіямъ, дѣлалось невозможно. Л. Ал. Мей не сочувствовалъ новымъ идеямъ, и скорѣе умеръ бы голодною смертью, чѣмъ написалъ хотя бы одну строчку, противную своимъ убѣжденіямъ: ни лести, ни деньги, ни минутная слава не могли его къ этому принудить. Л. Ал. никогда не поддавался никакимъ вліяніямъ, и писалъ только то, что создавало его собственное воображеніе и созрѣвало въ его собственномъ

умѣ. Писать по заказу онъ могъ только ученые статьи, да прозаическіе переводы. Но онъ свято охранялъ свои творческія произведенія отъ всякой лжи и неправды. Въ это трудное время гр. Г. А. Куселевъ поддержалъ Л. Ал., какъ истинный его другъ.

Г л а в а XIV.

Различныя изданія.

Въ 1860 г. Л. Ал. задумалъ издавать газету для народа „*Мірское Слово*“. Онъ предполагалъ выпускать по одному листу въ недѣлю и разсылать для крестьянъ по приходамъ. Въ сотрудники Мей думалъ пригласить всѣхъ лучшихъ литераторовъ, знавшихъ хорошо народъ и народный языкъ, начиная съ Даля, съ которымъ онъ уже списался. По расчету, для первоначальныхъ издержекъ требовалось 3.000 рублей, которые гр. Куселевъ давалъ ему. Но Л. Ал. желалъ принять на себя только литературный трудъ и искалъ себѣ отвѣтственнаго редактора-издателя. Онъ нашелъ его въ лицѣ нѣкоего А. Д. Масалова. Все было подготовлено къ изданію: программа написана и вручена Масалову; условіе тоже было готово, и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 г. подписано Меемъ и Масаловымъ. Захвативъ бумаги, Масаловъ исчезъ, а черезъ два мѣсяца вышелъ листокъ „*Мірское Слово*“ подъ редакціею Масалова. Онъ воспользовался мыслью и программой Л. Ал. Выхлопоталъ разрѣшеніе и началъ самъ издавать „*Мір. Сл.*“, конечно, вовсе не такое, о которомъ мечталъ Л. Ал. Онъ былъ пораженъ такимъ коварствомъ.

Въ 1860 г. Л. Ал. переѣхалъ въ домъ Бажанова: на углу Николаевской и Колокольной улицъ. По одной лѣстницѣ съ нимъ, но выше этажемъ жилъ Камбекъ, онъ издавалъ какую-то газету, не имѣвшую подписчиковъ, и очень бѣдствовалъ. Л. Ал. часто помогалъ ему. Камбекъ ходилъ въ типографію Владимира Ивановича Головина, помѣщавшуюся въ домѣ барона Фредерикса, какъ разъ противъ Колокольной улицы. Узнавъ, что Камбекъ знакомъ со Л. Ал., Головинъ заявилъ о желаніи съ нимъ познакомиться. Тогда Камбекъ сдѣлалъ вечеръ и позвалъ того и другого.

На этомъ вечерѣ Л. Ал. прочелъ въ первый разъ „*Александра Невскаго*“. А когда В. И. Головинъ прочелъ нѣсколько своихъ переводовъ со шведскаго, Л. Ал. пришелъ въ восторгъ, просилъ быть знакомымъ и звалъ его къ себѣ. Но прошло довольно долгое время, а Головинъ все еще не приходилъ. Тогда Л. Ал. самъ къ нему отправился. Головинъ показалъ ему свое заведеніе: въ то

время оно только что начиналось, а через нѣсколько лѣтъ это сдѣлалась знаменитая „печатня“ Влад. Ив. Головина. Въ 1870 года, на Петербургской выставкѣ, В. И. получилъ за свои работы Государственный гербъ. Высшая награда, данная чуть ли не единственной частной типографіи въ Россіи.

Возвратясь домой, Л. Ал. съ большимъ уваженіемъ отзывался о личности В. И. Головина, а когда тотъ пришелъ, Л. Ал. сразу отличилъ его отъ другихъ посѣтителей и почувствовалъ къ нему особую симпатію. Скоро В. И. Головинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, и одинъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей его дома.

Л. Ал. не прерывалъ дружескихъ отношеній со своими товарищами-лицейстами. Они предложили издать его сочиненія: В. П. Ефремовъ и Г. В. Кондоиди дали ему средства для перваго выпуска. Это было изданіе В. П. Печаткина, оно вышло въ 1861 году. Л. Ал. говоритъ о немъ такъ:

„Первою мыслию и первыми средствами собрать и издать мои „сочиненія и переводы“ я обязанъ моимъ товарищамъ по Императорскому Александровскому лицей, Василию Павловичу Ефремову и Григорію Владимировичу Кондоиди.

Долгомъ считаю заявить имъ дружескую мою признательность за ихъ совѣтъ и помощь

Л. Мей.“

Но когда не состоялось предполагавшееся изданіе „Мірское Слово“, гр. Г. Ал. Кушелевъ, въ вознагражденіе этой неудачи, предложилъ въ свою очередь Л. Ал. издать полное собраніе его сочиненій.

Было условлено печатать 5.000 экз. Л. Ал. рассчитывалъ, что по уплатѣ графу личнаго долга, который былъ незначителенъ, и за расплатою по изданію, когда оно разойдется, у него могло остаться 10.000 руб. Деньги эти онъ предназначалъ на уплату его небольшихъ долговъ (большихъ у него не было), а остальное оставялъ въ наслѣдство своей женѣ, ежели она его переживетъ. Бумаги и рукописи свои Л. Ал. держалъ всегда въ большомъ порядкѣ такъ, что тотчасъ же было приступлено къ набору его драмъ.

Чтобы поддержать мужа, Софья Григорьевна задумала издавать модный журналъ. Она сама написала программу; заняла у друга своего дѣтства двѣ тысячи рублей, для первоначальныхъ расходовъ, и 1 января 1862 г. вышелъ первый № „Моднаго Магазина“. Онъ сразу имѣлъ большой успѣхъ. Л. Ал. принялъ самое живое участіе въ изданіи жены. Въ 1 № находится его стихотвореніе, передѣланное

изъ нѣмецкой легенды „*Рынокъ фей*“ и прозаическій переводъ изъ Дикенса „*Святочная пѣсня*“.

Г л а в а XV.

Смерть Льва Александровича Мея.

Это было въ 1862 г. Одинъ разъ, въ началѣ мая, утомленный работою, Л. Ал. заснулъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, близъ дурно прикрытаго окна. Послѣ жаркаго дня, ночь была сырая и холодная, онъ проснулся съ воспаленіемъ легкихъ. Сейчасъ же послали за докторомъ, прописанныя ему лекарства онъ принималъ, но ни убѣжденія доктора, ни просьбы жены не могли заставить его лечь въ постель и повременить заниматься. Въ продолженіе всей болѣзни онъ жилъ своей обыкновенной жизнью. Въ это время печатался 1-й томъ его сочиненій: это были драмы, онъ очень торопился выпустить ихъ. Уже совершенно больной, ежедневно прочитывалъ и подписывалъ къ печати корректуры, приносимыя изъ типографіи гр. Купелева. Онъ подписалъ послѣдній листъ 1-го тома 15 мая, наванунѣ своей смерти. „Слава Тебѣ Господи“, сказалъ Л. Ал. и набожно перекрестился. Послѣ этого онъ легъ въ постель. Отдохнувъ немного, онъ, не вставая, началъ переводить и диктовать вслухъ окончаніе повѣсти для „Моднаго Магазина“, чтобы не задержать №. Къ утру онъ совершенно утомился, голосъ его ослабъ, и онъ заснулъ. Въ тотъ же день—15 мая, онъ потерялъ волосы своей матери, съ которыми никогда не разставался. Какъ ни старались ихъ отыскать, но не нашли. „Теперь я умру“, сказалъ Л. Ал.

16-го мая 1862 г. онъ всталъ часовъ въ десять и одѣлся. Немного ходилъ, что-то читалъ, потомъ легъ на постель и закрылъ глаза. Всѣ вышли изъ комнаты, чтобы не мѣшать ему уснуть, при немъ осталась только служившая имъ женщина. Когда, черезъ четверть часа, къ нему опять вошли, Л. казался спящимъ, но былъ чрезвычайно блѣденъ. Жена тронула его руку, она была холодна, какъ ледъ. Софья Гр. испугалась. Въ это время пріѣхалъ докторъ. „Что съ нимъ“, спросила она. „Ничего“, отвѣчалъ лечившій его докторъ Віо, „онъ очень ослабъ; прикажите сварить ему куриный бульонъ“. Но когда она ушла, докторъ послушалъ Л. Ал. пульсъ, тронулъ лобъ, приложилъ ухо къ сердцу и сказалъ окружающимъ: „онъ умеръ“.

Софья Гр. была поражена смертью мужа и опасно занемогла. Одна изъ ея близкихъ пріятельницъ увезла ее къ себѣ въ домъ, гдѣ С. Гр. оставалась недѣли съ двѣ, пока не поправилась, а по-

томъ переѣхала на дачу въ Павловскъ. Дѣла „Моднаго Магазина“ были уже настолько хороши, что С. Гр. могла похоронить его на свой счетъ, а по времени, заплатила нѣкоторые его долги.

Самымъ близкимъ человѣкомъ Льву Александровичу послѣ его смерти оказался Вл. Ив. Головинъ. На долю его выпало грустное и тяжелое бремя—хоронить Л. Ал. Мея. Такъ какъ никого не было изъ близкихъ родныхъ, В. Ив. принялъ на себя всѣ хлопоты и формальности сопряженныя съ погребеніемъ. Надо было ѣздить на кладбище, писать въ газетахъ, увѣдомлять родныхъ и пр., и никому изъ прежнихъ друзей Л. Ал. и въ голову не пришло помочь В. Ив. Головину. Онъ телеграфировалъ брату Л. Ал. Вячеславу Ал. Мею, жившему въ то время въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ въ день похоронъ. Было холодно, рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ разносилъ столбы пыли по улицамъ; за гробомъ мало шло народу. Л. Ал. похоронили на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, вблизи отъ большой церкви. Когда его опускали въ могилу, кто-то сказалъ въ толпѣ: „Это хоронятъ послѣдняго русскаго поэта“. Люди, привыкшіе бывать у него, почувствовали себя осиротѣвшими; негдѣ было собраться, некому прочесть, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Николай Ив. Кроль горько оплакивалъ смерть Л. Ал. и вскорѣ послѣ него тоже умеръ.

Г л а в а XVI.

Послѣ смерти.

Послѣ смерти Л. Ал. изданіе его сочиненій продолжало печататься, его редактировалъ Н. В. Гербель. Но прежде, чѣмъ оно было совершенно окончено и вышущено въ свѣтъ, гр. Кушелевъ прекратилъ изданіе своего журнала „Русское Слово“ и уѣхалъ за границу. А типографія его, и вмѣстѣ съ нею изданіе сочиненій Л. Ал. Мея перешло почему-то къ Благосвѣтлову. Такъ назывался послѣдній редакторъ „Русскаго Слова“. Онъ жилъ одно время въ Лондонѣ у Герцена, въ качествѣ домашняго учителя, а потомъ ходилъ по Парижу, отыскивая какого-нибудь занятія. Ник. Ив. Кроль гдѣ-то съ нимъ встрѣтился. Въ качествѣ русскихъ, они тотчасъ же познакомились, сошлись, и Кроль представилъ его гр. Кушелеву какъ извѣстнаго ученаго, опытнаго редактора и благонамѣреннаго человѣка. Въ торжественныя минуты, желая придать себѣ интересъ новаго—передового человѣка, Благосвѣтловъ дѣлался недоступенъ: хмурилъ брови; принималъ видъ Олимпійца; таинственно на что-то намекалъ; чего-то не договаривалъ; вскользь ввертывалъ имя Герцена, фамиллярно назы-

валъ его дочь Вѣрочкой и давалъ чувствовать, что вотъ въ немъ-то, въ Благосвѣтловѣ, и заключалась вся сила „Колокола“.

Захвативъ безправно чужое изданіе, Благосвѣтловъ не осмѣлился гласно дѣлать о немъ объявленій и пускать его въ продажу. Это сдѣлалось какое-то подпольное изданіе. Кому и гдѣ оно было продано, неизвѣстно. Вѣроятно букинисты распродали его гдѣ-нибудь на отдаленныхъ ярмаркахъ.

Такимъ образомъ имя Л. Ал. Мея исчезло изъ русской печати: современники начали забывать его, а новое поколѣніе и вовсе не знаетъ.

Льву Ал. Мею, какъ говорится, на роду было написано не богатѣть. Дѣдъ его разорился отъ наводненія; отецъ, или вѣрнѣе мать ограблена темными людьми; Масаловъ обманулъ его и помѣшалъ издавать народную газету; а послѣ его смерти, какой-то Благосвѣтловъ сдѣлался неожиданнымъ наслѣдникомъ всей его умственной дѣятельности и на четверть вѣка вычеркнулъ имя Л. Ал. Мея изъ литературы, убилъ о немъ память. Но вотъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти, когда вышло новое изданіе его сочиненій, обо Львѣ Ал. Меѣ опять заговорили, хотя и не всегда справедливо. Въ этомъ случаѣ болѣе всего грустно, что В. Р. Зотовъ, принявшій на себя трудъ редактировать сочиненія Л. Ал. Мея, въ полномъ его изданіи: книгопродавца Н. Г. Мартынова 1887 г. и написавшій такой прекрасный, вполне сочувственный, и добросовѣстный, критическій разборъ сочиненій Л. Ал. Мея, имѣлъ такъ мало данныхъ для составленія личной біографіи покойнаго поэта. Жизнеописаніе его не только не полно, но во многихъ случаяхъ невѣрно и не справедливо. Такъ напримѣръ: В. Р. Зотовъ называетъ отца Л. Ал. „обрусѣвшимъ чиновникомъ“. Александръ Ивановичъ Мей никогда не былъ чиновникомъ, это былъ одинъ изъ героевъ отечественной войны. Онъ умеръ еще совершенно молодымъ, такъ что Ольгѣ Ивановнѣ не пришлось ходить за старымъ мужемъ, хотя дѣйствительно *ей выпала тяжелая участь*, слишкомъ рано потерять его.

Далѣе: на ст. XXVIII, стараясь разгадать причину смерти Л. Ал., біографъ его относитъ ее почему-то къ знакомству съ гр. Кушелевымъ и съ молодыми писателями, которыми Л. Ал. окружилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни. В. Р. Зотовъ начинаетъ свой перечень съ Моллера, котораго въ то время уже не было. Далѣе называются Толбинъ и Шишкинъ. Кто эти господа? Такихъ именъ вовсе не встрѣчалось между окружавшими Л. Ал.; можетъ быть, онъ ихъ зналъ, но они не были въ числѣ его знакомыхъ. Алферьева Л. Ал. зналъ еще въ Москвѣ, они служили вмѣстѣ въ канцеляріи

Московского генер.-губер., но въ то время, о которомъ говорится, Алферьева давно уже не было на свѣтѣ. Л. Ал. говорить о немъ въ своемъ стихотвореніи „Покойнымъ“:

„Поклонникъ пламенный и мученикъ искусства:
 Не могъ ты подчинить труду живого чувства,
 Разсудкомъ обуздать не могъ своей мечты—
 И пѣлъ, что пѣлося, безъ ладу, безъ разбора,
 Какъ малое дитя, едва-ли разумѣвъ,
 Что есть условный строй, наслушанный напѣвъ...
 Не могъ перенести ты злого приговора
 Заносчивыхъ судей: довѣрчивый поэтъ,
 Ты видѣлъ въ гаерѣ Ахилла гнѣвъ и силу,
 И—грустно вымолвить—сложилъ тебя въ могилу
 Нахальной выходкой журнальный пустоцвѣтъ“.

Съ Ап. Ал. Григорьевымъ Л. Ал. былъ знакомъ тоже еще въ Москвѣ. Они работали вмѣстѣ въ „Москвитянинѣ“ у М. М. Погодина и Л. Ал. доканчивалъ переводъ романа Гете „Вильгельмъ Мейстеръ“, начатый А. Ал. Григорьевымъ, но почему-то перешедшій къ Л. Ал. Мею. Тамъ же находится „Пѣсня Миньены“. Кроля Л. Ал. не могъ не знать, это былъ родной братъ гр. Кушелевой; что же касается до Благосвѣтлова, то Л. Ал. не любилъ его, имѣя съ нимъ отношенія, только какъ съ редакторомъ „Рус. Сл.“, да и то старался имѣть дѣло съ графомъ, который вовсе не повиненъ въ смерти Л. Ал. Какъ это предполагаетъ В. Р. Зотовъ, гр. Кушелевъ любилъ Л. Ал. какъ брата и помогалъ ему, слѣдовательно, облегчалъ его существованіе. Л. Ал. умеръ отъ случайной простуды, слѣдствіемъ которой было воспаленіе легкихъ. Да еще отъ того, что не слушалъ предписаній доктора и истощилъ себя работой. Затѣмъ разсказывается дикая исторія: какъ Л. Ал., въ присутствіи двухъ пріятелей, принесъ изъ кухни топоръ и изрубилъ на полѣнья шкафъ орѣхово-ваго дерева—приданое жены. Любопытно бы знать имена двухъ пріятелей, при которыхъ это совершалось? Ничего подобнаго никогда не было. И откуда взялся орѣховый шкафъ—приданое жены, ежели вся ихъ мебель была продана еще въ Москвѣ—въ гимназін, послѣ того какъ Л. Ал. былъ переведенъ въ Одессу. Туда были отправлены только сундуки съ бѣльемъ, платьемъ, мелкими вещами и нѣкоторыми книгами Л. Ал.

Трудно тоже повѣрить, чтобы Л. Ал. во всю свою жизнь не написалъ ни одного письма, кромѣ трехъ записочекъ къ М. Ан. Загуляеву. Онъ писалъ къ матери, сестрѣ, брату, къ дядѣ, къ тестю и тещѣ, къ роднымъ и друзьямъ; наконецъ къ женѣ своей, когда

въ 1856 году она ѣздила въ Гапсаль, брать морскія ванны, и въ 1861-мъ году въ Каширу хлопотать о деньгахъ для журнала. Но послѣднія письма слишкомъ интимны, а изъ первыхъ многихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Кто еще живъ, далеко отъ Петербурга, да едва-ли В. Р. Зотовъ могъ къ нимъ обращаться, не имѣя понятія объ ихъ существованіи.

Л. Ал. не удалось видѣть на сценѣ свою „Псковитянку“, какъ онъ объ этомъ ни хлопоталъ. Только черезъ 28 лѣтъ, послѣ того какъ она была напечатана, и почти черезъ 26 лѣтъ послѣ его смерти: 27-го января 1888 г. въ бенефисъ Стрепетовой въ первый разъ появилась она на сценѣ. Благодаря А. А. Потѣхину, знавшему Л. Ал. еще въ 50-хъ годахъ, и режисеру г-ну Ѳедорову, „Псковитянка“ поставлена на сцену такъ хорошо, какъ только этого могъ желать самъ авторъ.

1-го февраля, послѣ второго представленія „Псковитянки“ участвовавшими въ ней артистами, на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, на могилѣ Л. Ал. отслужена была панихида.

Л. Ал. Мей какъ личность и какъ поэтъ, ни разу не измѣнившій своему высокому призванію, вполне заслуживаетъ любовь и уваженіе потомства.

„Человѣкъ онъ былъ!“.

А. Г. Полянская.

